

Ольга Тихоновская

Скипальцы

Ольга Тихоновская

Скитальцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48820874

ISBN 9785005092632

Аннотация

В книге «Скитальцы» пять историй, которые никого не оставят равнодушным. Сюжеты набросала сама жизнь, хотя иногда описанные события кажутся невероятными. Герои – наши современники. Они решают свои задачи, стремясь к счастью, и не догадываются, что сами придумали себе жизненные преграды перед приходом в этот мир для развития и совершенствования Души...

Содержание

Прохожий	5
Скитальцы	10
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Скитальцы

Ольга Тихоновская

Фотография к книге «Он и Она» Екатерина Романова

Фотография автора Владимир Иванищев

© Ольга Тихоновская, 2019

ISBN 978-5-0050-9263-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы все в этом мире скитальцы...

*Явившись сюда, мы ищем смысл своего пребывания на Земле
или свое предназначение, а пока терзаемся этими вопросами,
или вовсе не задумываемся над ними, каждый проходит свой
Путь, который так или иначе приведет туда, где откроется
Истина...*

Прохожий

Мое утро всегда начинается у окна в кухне с чашкой кофе.

Раньше, когда я жила в другом городе, и даже в другой теперь стране, я всегда выходила на балкон с чашкой кофе и смотрела на водохранилище, на берегу которого стоял наш дом.

С высоты девятого этажа открывалась чудесная панорама: водная гладь озарялась первыми лучами солнца, и часто в летние дни по ней скользил парус...

Вид из окна украшали три моста, перекинутые через воду, со спящими, словно игрушечными, машинами, автобусами и троллейбусами. В вечернее время мосты сверкали разноцветными лампочками, развешанными между фонарными столбами – они были похожи на сверкающие елочные гирлянды...

Наверное, поэтому для меня одним из приоритетных условий при выборе квартиры на новом месте является вид из окна.

Вот и сейчас мое утреннее кофейное удовольствие проходит в созерцании парка – пышно-зеленого, с бьющими струями фонтана летом, желто-оранжевого осенью, и заснеженного, с пятнами вечной зелени елей и красными мазками рябины, зимой...

Множество людей мелькает утром в поле моего зрения.

Некоторых из них я узнаю даже в темноте зимнего утра – они идут по выбранному ими пути с постоянством какого-то механизма...

Вот и этот человек неопределенного возраста, зимой в тулупе с лохматым воротником и в шапке, надвинутой чуть ли не на глаза, в теплое время года в плаще или пиджаке, всегда с поднятым воротником, словно укрываясь от кого-то, идет мимо моего окна.

Он всегда с опущенной головой, смотрит себе под ноги, изредка оборачиваясь, постукивая чем-то по ноге. Я не сразу заметила, что за ним всегда ковыляет на достаточном расстоянии большой старый пес, такой же лохматый и понурый, как хозяин.

«Значит, в руках у мужчины поводок», – догадалась я, увидев собаку.

Эта пара, состоящая из хозяина и собаки, была очень необычна – всегда угрюмый человек и, кажется, все понимающий с высоты своего возраста и жалеющий своего хозяина пес...

На первый взгляд, они не были связаны между собой.

Мужчина шел всегда быстро, вроде бы торопясь куда-то.

Пес шел сам по себе, как бы вразвалочку, вроде бы он, пес, позволял человеку играть в занятого и спешащего хозяина, который торопится выгулять свою собаку и отправиться на работу. Когда человек останавливался и оглядывался, пес ускорял шаг, всем своим видом поддерживая эту игру. Он-то знал, что хозяину некуда торопиться.

И так каждое утро.

Потом я стала узнавать эту пару в городе, и поняла, что хозяину лет сорок всего, а собака по своим собачьим годам была намного старше, она выглядела мудрой и понимающей.

Мне казалось, что иногда пес снисходительно позволял хозяину привязывать себя у магазина. Человек мог зайти в магазин, а мог просто пройтись по улице, а пес ждал его. И в этом ожидании было не смирение, а какая-то жалость к человеку: он, пес, потерпит и посидит на привязи, лишь бы хозяину было хорошо.

Пес понимал, что его хозяин немного не такой, как все, и любил его беззаветно.

Они жили вдвоем, поддерживая друг друга в непроглядном одиночестве.

Когда человек вскрикивал по ночам, пес тихонько подходил к его постели, лизал его руку, и поскуливал.

А человеку казалось, что он маленький мальчик, и мама гладит его по руке и поет ему колыбельную, он успокаивался

и кошмары покидали его сон...

Бывало, что человек метался по квартире, накручивал на голову мокрое полотенце, пил таблетки, стучал кулаками по столу, валялся по полу.

Тогда пес подползал к нему и ложился рядом, как будто забирая его боль себе. Человек понемногу успокаивался, утихал...

...Я вижу, как человек в тулупе с опущенной головой, с выбившимися из-под шапки светлыми кудрями, по-прежнему идет вдоль ограды парка мимо моего окна.

Он, изредка оборачиваясь, постукивает поводком по своей ноге.

Я вглядываюсь в темноту зимнего утра, ловлю свет от фонарей и уже полтора месяца не могу разглядеть силуэт собаки.

На днях я узнала, что этот человек живет в соседнем дворе, что он, проходя службу в армии, был участником боевых действий, после чего получил инвалидность, что он живет один и был очень привязан к своей собаке, которая недавно попала под машину...

Теперь понятно, почему я не вижу пса, с грустью подумала я.

Но он-то видит!

Сегодня опять он шел мимо моего окна, постукивая скрученным поводком по ноге, изредка останавливаясь и оглядываясь, призывая своего пса поторапливаться...

2017

Скитальцы

Моей подруге Svetlane Snel

Некоторые люди рождаются, живут и умирают на одном месте, будь это город или деревня, и происходит это из поколения в поколение. В связи с этим, встречаются даже такие поселения, в которых большинство семей носят одну фамилию. Да и определенные имена там предпочтительны, поэтому иногда у жениха и невесты не только фамилии, но и отчества одинаковые, как у брата и сестры.

Наверное, это о них поговорки «На одном месте и камушек обрастает», «Где родился – там и пригодился». В народе их называют оседлыми.

А другие – скитальцы – странствуют по белу свету, то ли в поисках счастья, то ли смысла жизни, то ли истины своего пребывания на Земле и истоков этого...

Выходцы из семей оседлого образа жизни для создания семьи выбирают себе подобных, пусть даже залетевших из других краев, угадывая их среди всех – у них схожие мечты, представление о счастье, преданность укладу, размеренности и порядку.

И если поманит их неизведанность отношений со ски-

тальцами, то боязнь оторваться от привычного места и непонимание стремления к неопределенности, рано или поздно, разведет их в разные стороны...

А скитальцы, не то, чтобы не хотят жить на одном месте, просто у них обстоятельства складываются так, что они вынуждены перемещаться, и делают это с радостью.

Конечно, можно поспорить насчет обстоятельств – любые события в жизни человека – Божий промысел.

Вдруг, появляются люди или происходят события и подталкивают тебя к действиям, о которых еще вчера ты не подозревал.

И начинается новый этап жизни. У скитальцев – это перемена места жительства...

Знаю по себе, что в какой-то момент вполне устроенной и размеренной жизни, вдруг, возникает ощущение, что скоро все изменится, и ты начинаешь думать, куда же судьба тебя забросит в этот раз, причем, нисколько, не сомневаясь, что это произойдет.

Скитальцы, что называется «видят» друг друга, и у них всегда между собой складываются крепкие отношения, как в дружбе, так и в любви.

И что характерно, быть может, умудренные опытом странствующих предков, они легко принимают в свой круг всех, а вот остаются с ними лишь те, кто близок им по духу...

Первого сентября 1967 года в наш шестой «А» класс вошли две новые ученицы.

Одна из них, смелая, уверенная в себе девочка, проучилась с нами всего полгода и уехала в город Чимкент, что под Ташкентом. Она всегда уточняла это, так как Ташкент был всем известен, не то, что маленький Чимкент. Родители девочки были геологами, и из-за этого ей приходилось часто менять школы, а эти полгода, пока родители были в очередной экспедиции, она жила у своей тети в Адлере.

Наверное, ее мало кто помнит из моих одноклассников, но ко мне она потянулась сразу, может, почувствовав дух скитальцев моего рода...

Тогда я подумала, что это просто потому, что нам было по пути идти из школы домой, и потому, что ей понравился мальчик, с которым я сидела за одной партой с первого класса, и о котором она меня постоянно расспрашивала.

Эта девочка мечтала о том, чтобы ее родители никогда не уезжали, а каждый день приходили с работы домой, как это было у меня на тот момент.

А я так и не успела ей рассказать, как мою семью занесло в этот маленький черноморский городок, как много моя семья странствовала, и сколько школ, вследствие этого пришлось поменять моей старшей сестре.

И еще я просто не могла ей рассказать, сколько мне и уже созданной мной семье предстояло сменить городов и даже

стран, потому что это все было далеко впереди...

Тогда мы обе не могли представить, что распадется наша огромная страна под названием Советский Союз, и что Ташкент и Чимкент будут уже в другой стране, и что оттуда начнется мощный отток русскоязычного населения, и они будут называться беженцами...

Всегда, когда упоминался в моей жизни Чимкент, я вспоминала мою попутчицу из школы домой, хотя и имя, и фамилия стерлись из памяти, остался лишь образ двенадцатилетней девочки.

Так хочется верить, что у нее сложилась счастливая жизнь, о которой она мечтала...

Вторая девочка, хрупкая, с огромными серыми глазами и вьющимися пепельными волосами – Сашенька, как ее все называли, с легкой подачи моей бойкой подруги Нины, была робка и застенчива.

Нина сразу взяла над ней шефство, и через год, когда я перешла в другую школу, Сашенька стала самой близкой подругой Нины.

Нина и Саша занимались в школьной самодеятельности, и когда они выезжали на районные и городские конкурсы, Нина всегда приглашала меня с собой в эти поездки.

Так я сблизилась и подружилась с Сашенькой, чуткой и верной подругой, благородной в поступках и неукротимой

мечтательницей...

Окончив школу, мы разлетелись в разные города продолжать учебу, и у каждой сложилась вдалеке своя жизнь.

Из всех нас только Сашенька после института вернулась в Адлер, казалось, навсегда...

Она еще студенткой вышла замуж за мальчика, которого любила в школе, родила сына, и как будто растворилась в большой колоритной русско-армянской семье своего мужа.

Как-то так вышло, что наши судьбы разошлись, но в моем сердце всегда жили теплые воспоминания о девочке, которая во многом была для меня примером.

Прошло много лет и, однажды, моя дочь напомнила мне о Сашеньке...

Питерская осень еще сверкала золотом куполов и радовала глаз разноцветьем листьев, но прохлада Балтики уже напоминала о том, что лето прошло. И я, как всегда в сентябре, уезжала в город своего детства, к моему морю, которое, по ощущению благодатного воздействия на меня, не может сравниться ни с каким другим.

Стоя в ожидании поезда, мой взгляд выхватил из толпы девушку, стремительно вошедшую в зал ожидания Московского вокзала, и явно притягивающую к себе внимание окружающих. Ее светлые волнистые волосы рассыпались по пле-

чам, а обтягивающие джинсы и прилегающий короткий пиджак подчеркивали длину ног и стройность фигуры.

В это мгновение в моей памяти всплыл образ Сашеньки...

Девушка махнула мне рукой – и я, вдруг, поняла, что это моя дочь. Она третий год училась в институте и жила в Питере, наведываясь к нам в Выборг пару раз в месяц.

– Доченька, я тебя не узнала! Посмотрела на тебя и подумала, какая красивая девушка. А еще ты мне напомнила мою школьную подругу.

– Кого интересно – из всех вас, я, все-таки, больше похожа на тебя, – засмеялась дочь и на правой щечке у нее появилась «моя» ямочка.

Вся моя жизнь неразрывно связана с Адлером и моими школьными подругами, хотя две из них, как и я, давно живут далеко от города нашего детства. Тем не менее, мы впятером, как пальцы одной руки, все общаемся, ездим друг к другу в гости, и наши дети, как и мы сами, стали частью этой большой семьи.

Когда дети были маленькими, времена были другими, и такие поездки, с чемоданами, ведрами помидор, сумками с картошкой, горшками и колясками, напоминали передвижение цыганского табора.

Вот почему моя дочь так удивилась, ведь она не только знала моих подруг, но и всю жизнь общалась с ними и их семьями.

Поэтому, наверное, вопреки нашим надеждам, и не переженились наши дети, так как с детства ощущали себя родней.

– Так что за подруга? – дочь с интересом посмотрела на меня.

– Я тебе обязательно расскажу о ней и покажу фотографии, – улыбнулась я и приобняла ее, – как я рада, что ты пришла меня проводить, я так скучаю по тебе.

До отправления поезда мы успели обменяться новостями, поезд тронулся, унося меня туда, где раньше всегда ждала мама, а сейчас, когда ее не стало, ждут мои подруги, близкие и родные мне люди.

Мои мысли блуждали в лабиринтах воспоминаний, стук колес и монотонный гомон голосов окутывали мое сознание.

«Как я люблю поезд», – уловила я мысль перед тем, как предаться сладкой дреме...

В далеких уголках памяти, всплыл майский теплый день – двор, утопающий в зелени, в летней беседке накрыт стол.

Сашенька встречает гостей – у нее семнадцатый день рождения, через два месяца мы окончим школу и разлетимся в разные города...

Когда я пришла, среди гостей были два юноши, наши ровесники – они считались моими кавалерами, один в прошлом, другой в настоящем. А между прошлым и настоящим было меньше года. Я и сама не знала, кто все-таки мне больше нравится. Эти симпатии были настолько целомудренны, даже без поцелуев, но тогда все казалось очень серьезным, сложным и неразрешимым.

В тот день, вечером, я плакала от того, что так сложно было разобраться в своих чувствах, а Сашенька меня утешала, хотя ее сердечко тоже было объято девичьими переживаниями.

Сначала она ждала мальчика, которого очень любила, своего будущего мужа, а он опаздывал. И Сашенька, развлекая гостей, старалась не показать этого.

А когда он пришел и подарил ей три тюльпана, она расстроилась, что только один красный, как считалось, символ любви, и два желтых – символ разлуки. И для нее это было так серьезно, что она еле сдерживала слезы.

Но потом принесли поздравительную телеграмму от Сашенькиного папы, и она очень обрадовалась.

А я подумала, что она никогда мне не говорила об отце, и вообще мало рассказывала о себе. Бабушка, всегда хлопотавшая по хозяйству, иногда угощала нас удивительно вкусным хлебом собственной выпечки, а мама, как и моя, почти всегда была на работе, а в редкие наши встречи была подчеркнута сдержана.

А Сашенька, как я тогда думала, была другая – открытая, добрая, готовая всегда помочь. И мне всегда было очень тепло рядом с ней.

Могла ли я представить, что через много лет я получу столько теплых эмоций от матери Сашеньки, добрейшей из людей, ставшей мне близким и родным человеком.

И тогда, встретившись с восьмидесятивосьмилетней тетей Мусей, я пойму, от кого унаследовала доброту моя подруга.

Как сказала бы моя бабушка, всегда сыпавшая поговорками, «От лося – лосенок, от свиньи – поросенок».

Окончив школу, я уехала к родственникам в Донецк, поступила в университет, и забыла о своих школьных кавалерах и переживаниях, связанных с ними.

Жизнь готовила новую любовь, семью, детей и все испытания с этим связанные...

С Сашенькой мы изредка обменивались открытками.

А в один из моих приездов в Адлере, я попала к ней на свадьбу. Тогда мне показалось, что Сашенька была какая-то чужая.

К тому времени мы уже три года близко не общались, так как жили в разных городах, и я с ревностью наблюдала, как она секретничала со своей институтской подругой.

Через несколько лет мы вновь встретились, уже будучи

мамами, сыну Сашеньки было четыре года, а моему – два.

Потом была еще одна встреча, вернее, даже не встреча...

Как-то вечером, находясь с мужем, восьмилетним сыном и годовалой дочерью в гостях у мамы в Адлере, мы вышли всей семьей прогуляться к морю, и к нам еще присоединилась моя подруга с двумя детьми.

На другой стороне улицы я увидела Сашеньку. Она стояла ко мне лицом и разговаривала с женщиной. Я уже подняла руку, чтобы махнуть ей в приветствии и готова была ринуться к ней, но она в этот миг повернулась спиной.

Первое желание – все-таки подойти.

Но, вспомнив о письме Нины, в котором она написала, что у Саши не все ладится в семье и она мало с кем общается из своего прежнего окружения, передумала.

Я решила, что может быть сейчас ей не очень приятно видеть наш дружный «цыганский табор», и не стала ее тревожить...

Спустя какое-то время, я узнала, что Сашенька разошлась с мужем, уехала с сыном в Арабские Эмираты и работала там по контракту, что ее мама со всеми своими братьями и сестрами в начале девяностых уехала на постоянное место жительства в Германию...

Обо всем этом я вспоминала, приближаясь к берегу наше-

го детства, как назвал наш любимый городок Женя – мальчик родом из этого детства.

Удивительно близко прошли наши дороги – Женина, моя и моей подруги Нины, в мгновение нашей общей юности, так и не преодолев параллельности жизненного пути, лишь немного сблизившись на одном из его участков...

Сейчас я определенно знаю, что любые встречи человеку даются для осознания самого себя, и что они, эти встречи, не бывают случайными. Но тогда, в юности, я, конечно, не задумывалась над тем, для чего мне были даны события и люди, вдруг, возникавшие вокруг меня.

Не задумывалась я и над тем, почему иногда получается так, что люди близкие в определенный отрезок времени, постепенно или внезапно исчезают из твоего поля зрения, а ты идешь дальше по жизни без сожаления об этом.

Или, почему бывает так, что, живя в одном городе, ты не встречаешься с близким когда-то человеком, а с кем-то, кто живет далеко, тебя связывают постоянные мысли, эмоции, желание обменяться впечатлениями, поделиться радостью и получить поддержку в трудные минуты.

В юности все казалось случайным.

Таким случайным для меня было появление Жени в дверях нашей комнаты университетского общежития в ноябре 1973 года.

Я тогда училась на втором курсе, а он только поступил

в Ленинградский институт водного транспорта.

– Женя, ты откуда? – я ошалело смотрела на улыбающегося юношу, умудрившегося пройти в общежитие через пост бдительной дежурной «бабули». Может, и не бабули, но, когда тебе восемнадцать, все люди, старше двадцати пяти, кажутся тебе очень взрослыми.

Женя не произносил ни слова, только улыбался.

А я все сыпала вопросами:

– Ты как попал в Донецке? Как нашел меня? К кому приехал?

Я совсем забыла, что два месяца назад, когда я была дома на каникулах, к нам заходили Женя со своей мамой и рассказали о том, что Женя поступил в институт, и что они летят в Ленинград обустраиваться с жильем. Их рейс отложили на три часа, а так как мы жили в десяти минутах езды от аэропорта, они решили скоротать время у нас.

Тогда, за чаем, я подробно рассказала, как учусь, где живу, дала свой адрес и адрес моей подруги Нины, которая жила и училась в Ленинграде.

И еще произнесла дурацкую фразу, что теперь по студенческим билетам можно летать друг к другу в гости.

Я и не подозревала о том, что Женя был влюблен в меня, и узнала это спустя пару лет от своей мамы. А ей рассказала мама Жени о его поездке в Донецк, и о том, что поняла она это, увидев у сына мою большую фотографию на стене.

И еще она сказала, что сожалеет, что у нас с Женей не сложилось.

Я тогда очень удивилась, ведь я воспринимала Женю, как друга, даже, как младшего брата, он был младше меня на год, а в школе это много.

И, конечно, когда он появился у меня в общежитии, я приняла за «чистую монету» его рассказ, что он прилетел к знакомым, а они уехали, и ему негде остановиться.

Ну, разве студент оставит студента в беде? Да никогда!

Мы с девчонками поселили Женю в нашей комнате, где одна из четырех кроватей стояла рядом с дверью, и когда дверь была открыта, кровать была, как за ширмой. Хозяйка этого спального места на ночь уходила в соседнюю комнату, где нашлась свободная кровать.

Как же мы все весело прожили эти шесть дней! Женя был коммуникабельным, остроумным, и деятельным во всем. Просто душа компании! И сразу покориł моих девчонок.

Он с нами сидел на лекциях, бегал в магазин, помогал готовить еду, а каждый вечер из нашей комнаты раздавался безудержный смех.

Однажды мы накрутили ему волосы на бигуди, и он изображал кокетливую девушку – в общем, театр...

И только мой будущий муж, который в то время начал ухаживать за мной, почувствовал в нем соперника, и в первый же день, увидев его, сидящего рядом со мной на лекции,

вынес вердикт:

– Влюбленный пингвин!

А я оскорбилась за Женю и сказала, что он возводит на-
праслину, потому что не представляет даже, в какую исто-
рию попал парень, оставшись в чужом городе на улице, и хо-
рошо еще, что у него случайно оказался мой адрес...

Летом, после второго курса я вышла замуж, и мы с мужем
приехали в Адлер.

В один из первых дней нашего отдыха, из моря вышел мо-
лодой человек в темных очках, и, расположившись на кам-
нях рядом со мной, нагло уставился на меня. Я demonstra-
тивно отвернулась, а парень рассмеялся.

И каково же было мое удивление, когда он снял очки! Ко-
нечно же, это был Женя! Мы обнялись, посмеялись, вспо-
нили его приезд в Донецк, и Женя уплыл, пообещав как-ни-
будь заглянуть к нам.

Больше я его не видела.

Конечно, наши мамы общались, и я знала что-то о его
жизни, а он о моей, но мы больше не встречались.

Мама Жени всегда повторяла, что у него все жены (а их
было три) чем-то, хоть издали, похожи на меня. А, может, ей
просто так казалось...

Когда в нашей жизни появились социальные сети, моя по-
друга Нина сказала мне, что Женя объявился на ее страниц-

ке в «Одноклассниках», и она ему написала про себя и про меня.

В те давние Питерские студенческие годы с моей легкой подачи, Нина с Женей потянулись друг к другу, словно родные люди, и какое-то время тесно общались.

После окончания института Нина осталась в Питере, а Женя искал свое место или себя в разных городах, пока не остановился в Ростове-на-Дону.

Наверное, его тоже вел за собой дух скитальцев.

Я рада, что он успешен, и очень надеюсь, что счастлив.

Каждая из жен подарила Жене по сыну. И это уже огромное счастье!

Четыре года назад, вернувшись с Крита, я разместила несколько фотографий в «одноклассниках» и получила сообщение от Жени: «Представляешь, мы с тобой в одно и то же время ходили по острову Крит...»

– Он в тебя был очень влюблен тогда и переживал, что не сказал тебе об этом, и мне запретил, – много лет спустя поведала мне Нина, и, вдруг, засмеялась. А потом рассказала, как учила Женю целоваться.

Как интересно переплетаются судьбы.

С некоторыми людьми ты связан какими-то нитями, которые, то ослабевают, то опять притягивают тебя к человеку,

и с ним ты в разное время ходишь по одним и тем же дорогам...

Так и мы с Ниной. Нина родилась в Донецке. А я в этот город приехала учиться после школы, там вышла замуж, родила детей, перевезла туда из Адлера маму, и прожила там почти двадцать пять лет, пока не переехала в Выборг Ленинградской области, бывший финский город. Вообще-то, я должна была родиться в Ленинграде или в Выборге, откуда мама, беременная мной на седьмом месяце, уехала за отцом, партийным работником, на Украину и родила меня в Виннице.

А Нина после школы уехала учиться в Ленинград, там и осталась жить, и мы с ней оказались опять рядом, спустя двадцать с лишним лет.

Все эти годы, живя в разных городах, мы с Ниной переписывались и встречались в Адлере, когда приезжали одновременно к мамам.

Если же я наезжала к своим родственникам в Выборг, которые там жили с тех пор, как мой отец в 1946 году перевез туда всю мамину родню из Сибири, я всегда навещала Нину.

Интересно, что Нина чуть было не вышла замуж за парня из Донецка. Я поняла это, увидев ее на пороге моей квартиры в Донецке жарким летним днем.

Видимо, Господь предполагал и такой вариант для нее.

Но выбор всегда остается за человеком.

И по какому бы пути ты ни пошел, движение происходит

с единственной целью – собственного развития – через людей и события...

Может быть, судьба Нины была бы намного счастливее с этим донецким мальчиком, кто знает...

Но в это время появился будущий муж Нины, и она растворилась в нем, как любящая женщина, не видя его недостатков.

Наверное, это такая любовь, думала я, отказываясь принимать некоторые поступки мужа Нины, оскорбляющие ее.

Иногда внутри у меня все клокотало: Нина – красавица, умница, и так не ценить себя! Но потом я остывала в своем пылу, понимая, что каждому нести свой крест...

Как-то, попав в Оптину Пустынь, я прочитала высказывание Преподобного Амвросия Оптинского: «Закутайся в смирение; тогда, если и небо к земле прильнет, не страшно будет».

И вспомнила Нину – бунтарку в детстве, решительную, мечтательно-романтическую в юности, и смиренную после замужества.

Может быть, действительно, Душе надо пройти все ипостаси, чтобы достичь совершенства, и именно это конечная цель...

Сейчас, проживая в ста тридцати километрах друг от дру-

га, мы созваниваемся не каждый день, и даже не каждую неделю, а видимся и того реже. Каждый крутится в водовороте своей семьи, работы, останавливаясь на мгновения, чтобы понять или осознать, куда несет тебя этот бурлящий поток и где твой следующий причал...

Но, если одной из нас необходима помощь, или просто общение, другая бросит все и примчится. Это проверено.

Мы обе в пятилетнем возрасте оказались в одном месте, в Адлере, и считаем это место своей родиной, потому что именно его мы помним с детства, и туда постоянно возвращаемся, несмотря на то, что там давно уже нет наших мам.

Но это место притягивает – там наше море, пальмы и магнолии, запах и энергия родного дома – ощущение родины, где ты свой и где тебе всегда рады...

Слава Богу, что у меня в Адлере есть подруги, у которых я могу остановиться, как у родных людей, да и у Нины осталась комната от мамы на самом берегу, и мы, то по очереди, то вместе там отдыхаем, когда с семьями, когда в одиночестве.

Иногда мне кажется, что я хочу вернуться в наш маленький городок и жить там постоянно, никуда не уезжая, а иногда, особенно в дождливый осенний день, когда ветер срывает виноградные листья и несет их по асфальту, перемешивая с переспелыми виноградинами, а море безумствует в шторме, меня окутывает такая тоска...

И тогда я радуюсь, что скоро снова в путь, что в уютном

теплом вагоне с ароматным стаканом чая я буду вспоминать о море и друзьях, приближаясь к дому, в мой снежный сосновый край...

А потом опять позовет дорога, и ты уже подобен тому белому парусу из стихотворения Лермонтова, что скользит по морской глади и не знает, «что ищет он в краю далеком, что кинул он в краю родном...».

Однажды позвонила Нина и возбужденно сказала:

– Ты знаешь, не могу отделаться от мысли, что должна разыскать Александру.

– Сашеньку? Ты так непривычно ее назвала, что я и не сообразила сразу. Конечно, было бы здорово, но через кого? Ведь вся ее семья, ты говорила, уехала в Германию. Что тебя натолкнуло на эту мысль?

– Представляешь, я в торговой галерее вчера встретила знакомую из Адлера, мы с ней занимались в студии, повспоминали всех, и она сказала, что может узнать контакты Саши.

– Надо же, а я пару лет назад, уезжая в Адлер, вспомнила о ней, и что интересно, это произошло, когда я, издали, увидела свою дочь, – улыбаясь своим воспоминаниям, произнесла я.

Прошло несколько месяцев, и Нина доложила, что Сашенька нашлась, что она вышла замуж, и живет теперь в Гол-

ландии, что сын ее вернулся из Эмиратов в Адлер, купил там для бабушки квартиру, и она переехала туда из Германии.

Я очень обрадовалась, что у Сашеньки все хорошо и забыла об этом в кутерьме жизни.

И только потом я осознала, что Нина, сама, не зная об этом, именно для меня разыскала Сашу.

Кто бы мог подумать, что пройдет чуть больше года и судьба меня вновь сведет с Сашенькой, и что мы, как когда-то в юности, перемешаемся в вихре своих впечатлений от пройденной жизни, эмоций, переживаний и открытий...

Нас обеих до сих пор поражает эта потребность постоянного общения, как будто мы нагоняем пропущенные тридцать с лишним лет.

А ее мама! Неподражаемая тетя Мусечка! Это кладезь воспоминаний о событиях и испытаниях, выпавших на долю ее семьи, о том, как она выжила сама и помогла своим близким, а также открыла дорогу самым любимым людям – своей дочери и внуку...

Агата

В печке потрескивали дрова, в доме было тепло и уютно, а за окном уже второй день лил дождь, что называется, как из ведра...

Двенадцатилетняя Сашенька с замотанным шарфом горлом сидела в постели и пила теплое молоко с медом и содой.

– Бабонька, больше не хочу, потом допью, – ставя на край стола чашку, тихо сказала девочка, – мне уже лучше.

– Ну и хорошо, что лучше. Скоро выну из печи хлеб, придет мать, если опять не задержится, и будем ужинать, – и тихо добавила, перекрестившись, – Благодарю Тебя Дева Мария за нашего светлячка...

Бабушка Агата была самым близким человеком для Сашеньки. С ней она делилась всем, что ее тревожило, через нее познавала мир, и ей поверяла свои девичьи тайны. Конечно, она любила и маму, но та с утра до позднего вечера была на работе, часто и в выходные дни. Мама одна зарабатывала и обеспечивала их семью, которая состояла из них троих, да еще помогала своим двум сестрам и двум братьям. Так уж вышло, что самая младшая из детей Агаты была опорой и стержнем всей семьи, недаром, видно, она носила имя Богородицы...

– Бабонька, расскажи про волков, – тихо попросила Саша.

– Ты же знаешь эту историю наизусть.

– А мне все равно интересно, когда ты рассказываешь.

– Ну, хорошо. Сейчас подложу дровец в печку и вернусь.

Агата старалась донести до внучки путь их семьи деликатно и ненавязчиво – в каждом возрасте рассказывая лишь то, что девочка могла воспринять, не пугаясь жизни и не оже-

сточаясь...

Саша уже знала, что ее бабушка по происхождению немка, что она родилась в Гамбурге, что родители с маленькой Агатой приехали в царскую Россию в поисках счастья на новых землях, и поселились в маленьком городке на Днепре, под Запорожьем.

На выделенной земле они с немецкой педантичностью построили большой дом, обзавелись хозяйством, и семья крепко и сытно зажила в дружбе с соседями, среди которых были и выходцы из Германии.

Здесь Агата встретила своего будущего мужа, которого, как и ее, в раннем детстве привезли в Россию, но из Франции – мать его тоже была немкой, а отец – француз.

Не успели молодые пожениться, как Николай ушел в армию, а через полгода Агата родила близнецов Петра и Павла.

Николай двадцать пять лет служил в армии, сначала – в царской, а потом – в Красной.

Дети, появлявшиеся, кажется, после каждого визита Николая домой, и хозяйство были на плечах Агаты. А в последствие, когда муж отслужил и, работая на Запорожском сталеплавильном заводе, упал с высоты, поломав позвоночник, на руках Агаты оказался еще и муж-инвалид.

Николай никак не мог смириться со своей обездвиженной жизнью и угасал с каждым днем. На пятидесятом году

жизни, не дожив двух лет до начала второй мировой войны (Великой Отечественной – для Советского Союза), он умер, оставив Агату с семерыми детьми, младшей из которых было тринадцать.

К тому времени два старших сына-близнеца уже учились в летном военном училище, откуда в августе сорок первого ушли на фронт и не вернулись, а пятеро школьников – два сына и три дочери жили с матерью.

Агата с раннего утра до обеда работала поваром в заводской столовой, а после обеда занималась домашним хозяйством и детьми.

Дети были очень дружны и во всем помогали матери.

После смерти отца сыновья, семнадцатилетний Виктор и шестнадцатилетний Федор как-то сразу повзрослели, и стали для матери опорой.

Виктор, окончив курсы механизаторов, работал в совхозе, готовясь через год уйти в армию, а Федор учился в сельскохозяйственном техникуме, мечтая в будущем стать ветеринаром.

Крепкий дом, хозяйство и две зарплаты – Агаты и Виктора, позволяли семье безбедно жить.

Если бы не война...

Когда фашистская Германия продвинулась до Днепра и оккупировала Запорожье со всеми окрестностями, Агата жила в своем опустевшем доме с тремя младшими детьми –

дочерьми Анной, Елизаветой и Марией.

Виктор и Федор к тому времени ушли добровольцами на фронт, заменив собой погибших старших братьев.

Агата по-прежнему работала в столовой, где во время оккупации питались немецкие офицеры. Немецкий шеф-повар, узнав, что Агата немка, да еще его землячка – из Гамбурга – частенько помогал ей с продуктами для детей.

А однажды привез к ней в дом три мешка риса. Это было невиданное богатство в голодное военное время. И если дети Агаты хоть как-то питались, то были семьи, которые просто голодали.

Агата приняла решение разделить этот рис с соседями. Соседские дети незаметно проникали в дом Агаты и выносили на себе под одеждой драгоценный рис...

Вместе с отступавшими немецкими войсками, Агата и ее три дочери оказались в Германии, работая, где придется, за кусок хлеба, а после окончания войны вернулись домой с мечтой о воссоединении семьи и мирной жизни в своем доме, в своей стране, ведь они все считали своей родиной Россию.

Их дом, когда-то утопающий в зелени и цветах (никто не мог пройти равнодушно мимо яркой огромной клумбы перед домом), был занят каким-то городским начальником. Агату с дочерьми, уже расположившимися на ночлег прямо

под деревьями в дальнем углу своего сада, приютили соседи.

Не успев порадоваться возвращению, они оказались в НКВД, где от них требовали признаний в шпионской деятельности в пользу Германии, допрашивая по ночам, избивая, и угрожая расстрелом.

И неизвестно, что было бы с ними, если бы не случайная встреча с одним из бывших соседей, юношей, служившим в то время в органах. Он был другом сыновей Агаты, и одним из подростков, выносивших тот рис для своей семьи...

После вмешательства этого молодого человека сменился следователь, прекратились допросы и побои, быстро состоялся суд, по решению которого Агата и три ее дочери отправились на лесозаготовки в Сибирь.

Изнурительный труд, гнус, комары, недоедание и недосыпание, все-таки, не могли скрыть красоту дочерей Агаты – причину беспрестанных переживаний матери.

Бойкая Елизавета быстро обзавелась покровителем из военнослужащих, охранявших их поселение, и он добился для нее досрочного освобождения.

Освободившись, девушка нашла себе, как ей казалось, состоятельного мужа, забыв о прежнем покровителе, и перебравшись с мужем в Узбекистан, как могла помогала матери и сестрам, посылая передачи с продуктами.

В это самое время пришло письмо от Виктора, который

сообщал, что они с Федором живут в Казахстане, что Федор женился, и у Агаты затеплилась надежда, что скоро они все будут вместе.

Она украдкой молилась и благодарила Царицу Небесную за то, что ее мальчики остались живы после мясорубки сражений на фронте, госпиталей, заключения, принудительных работ в шахтах Сибири, а затем и высылки в Казахстан...

«За что? Да, мы немцы по происхождению, но ведь мы любим свою страну, в которой живем, за нее положили головы мои два сына, ей всю свою жизнь служил мой муж...» – мучилась бессонными ночами Агата, не находя ответов на свои вопросы.

Этническая родина была ей чужда и незнакома, а новая, где она жила с раннего детства, где родились ее дети, казалось, выбивала из нее любовь своим недоверием, подозрительностью и жестокостью...

И только после молитвы ей становилось легче, появлялись силы верить и надеяться, и глубокая теплая волна любви согревала ее сердце. В такие минуты она безмолвно просила, устремляя свой взгляд в небо: «Господи, не дай ожесточиться моим детям, покажи им силу своей любви, надели их терпением, дай им надежду и веру...».

За полтора месяца до окончания срока их пребывания в заключении, тяжело заболела Анна, и ее переправили

в больницу в Омск.

Судьба или злая воля разбросала всех детей Агаты в разные стороны, оставив возле нее, словно в утешение, лишь младшую – Марию.

В ночь перед выходом на свободу Агата увидела сон: она и ее дети стоят, взявшись за руки, кружком, ее муж и два старших сына, Петр и Павел, как будто парят над ними, а в середине круга сидят дети – пять мальчиков и одна девочка. Девочка вся светится и тянет ручки к Агате.

– Ты кто? – спрашивает Агата.

– Светлячок! – говорит малышка и улыбается.

Агата проснулась, удивляясь столь яркому сну, и решила для себя, что теперь все будет хорошо, что все ее дети соберутся вокруг нее, и они всегда будут вместе. Ведь эта приснившаяся девочка явно несла свет в ее жизнь.

Этот сон Агата вспомнит дважды в жизни – в момент появления на свет ее единственной внучки и когда они с Марией и маленькой Сашенькой приедут в черноморский городок и их взору откроется чудо природы – маленькие светящиеся жучки, хаотично летающие в темноте южной ночи...

Морозным январским утром 1951 года мать и дочь вышли

за ворота, обтянутые колючей проволокой.

Взору открылся небольшой поселок.

Из труб бревенчатых изб, тонувших среди белых сугробов, струился дымок. Сосны, прикрытые снежными шапками, окружали поселок словно часовые.

То здесь, то там, утро наполнялось разнообразными звуками – слышался скрип полозьев, скользящих по снежной дороге, стук ведра о деревянный колодец, бряцанье цепи, поднимающей ведро с водой, храп лошади, ловающей первые запахи пробуждающегося дня...

– Доброго здоровьица, красавицы! Куда путь держите?

Рядом остановились сани, груженные дровами, и запряженные худощавой лошадкой. Мужичок с густой белой бородой, в овчинном тулупе, шапке-ушанке, с охотничьим ружьем за спиной, придерживал поводья и смотрел на женщин добрыми рыжеватыми глазами.

– Нам бы на станцию, до Омска добраться, – сказала Агата.

– Забирайтесь в сани, моя старуха тесто давеча поставила, должно шанежки готовы. Попьете чаю, а там и в путь можно...

В доме пахло пирогами, уютom и покоем, не смотря на явную бедность жилища. Хозяйка ничуть не удивилась появлению гостей, словно ждала именно их.

За чаем лилась неторопливая беседа, возвращая Агату с Марией в уже забытую ими жизнь, и обозначая новые вехи на их пути...

Дед Трифон, как его все называли в поселке, и его жена, сердобольная Александра Тимофеевна, жили вдвоем, потеряв на войне четырех сыновей. И редкий человек, вышедший из-за колючей проволоки, миновал их дом. Они всех готовы были обогреть и накормить, дать совет и какой-никакой провиант, чтобы человек не оголодал в пути. Трифон промышлял охотой, рыбной ловлей да кедровым орехом, а его жена содержала огород, собирала в лесу и заготавливала ягоды и грибы, а также травы, которыми лечила весь поселок.

На следующий день, ранним утром, усадив своих гостей в сани, Александра Тимофеевна поставила рядом корзинку с провиантом, и, перекрестив их на дорогу, сказала:

– Наша соседка довезет вас куда надо, не беспокойтесь. Она каждый месяц бывает в Омске на базаре и все там знает, подскажет, где можно остановиться, поможет с работой, если что...

Уверенная Клавдия каким-то гортанным звуком понудила лошадь пуститься в путь, и та пошла, унося за собой сани с незнакомыми пассажирками.

Агата все оглядывалась, пока две фигурки, Трифона и Александры, не уменьшились до точек и не скрылись из ви-

ду совсем.

Путь лежал через снега и сибирскую тайгу. Лошадь резво бежала по накатанной снежной дороге. Мария спала, а Агата тихо разговаривала с возницей, крепкой, смелой и уверенной молодой женщиной, немногим старше ее дочери. И эта уверенность каким-то образом передавалась Агате.

На смену страху и неизвестности появлялась надежда и вера в сказанное на прощанье Александрой Тимофеевной: «Все будет хорошо, мир не без добрых людей».

Клавдия, озабоченно посмотрев на небо, объявила:

– Сейчас сделаем остановку. Надо лошади отдохнуть, да и нам подкрепиться. Кабы буря не разыгралась.

Она первым делом дала лошади корм, затем споро развела костер и подвесила над ним котелок, наполненный снегом. Развернули припасы.

В корзинке с едой Агата обнаружила маленький узелок из красной тряпочки – там лежало несколько бумажных денежных купюр и монет.

– Муся... – тихо произнесла она, показывая дочери обнаруженные деньги, не в силах сдержать слез благодарности, пораженная широтой души и какой-то вселенской любви этих еще вчера незнакомых им людей...

– Мама, я обязательно заработаю много денег, мы никогда не будем нуждаться, и будем помогать бабушке Александре

и деду Трифону, и всем, кому нужна будет помощь, – пылко сказала Мария, как будто поклялась.

И жизнь ее, действительно, сложилась так, что она всегда всем помогала, как своим родственникам и друзьям, так и совершенно чужим людям, которые в ее доме всегда находили кров и помощь...

От еды и чая, заваренного травами Александры Тимофеевны, Агата с Марией разомлели, но Клавдия уже давала команду засыпать снегом костер и грузиться в сани.

Солнце тем временем спряталось за тучи, поднялся сильный ветер, и все вокруг зашевелилось, затрещало. Деревья шатались и гудели – словно живые великаны переговаривались друг с другом...

– Нам бы только до метели поспеть, – проговорила Клавдия, подгоняя лошадь.

– А далеко еще? – с тревогой спросила Агата?

– Нет, как из тайги выйдем, через поле к железнодорожному полотну, а там уж вдоль него до самого Омска. Засветло успеем, – подбодрила своих попутчиц возница.

Вдруг, прямо над головами раздался сильный треск, и огромное дерево упало на дорогу, обсыпав путешественниц снегом, и едва не задев лошадь. Женщины вскрикнули от испуга, но Клавдия, успев туго натянуть поводья, уберегла и лошадь, и всех седоков от гибели...

Почти четыре часа женщины освобождали дорогу.

Вот где пригодились навыки работы на лесоповале. Пока одна орудовала топором, две другие оттащивали огромные ветви с дороги. Вот уже и самая сложная задача – перерубить ствол, осталась позади.

Как только дорога была расчищена, сразу же отправились в путь, решив, что перекусят в пути – нельзя было терять ни минуты.

Тем временем день клонился к ночи, ветер все не стихал, сыпал снег. Сквозь качающиеся верхушки деревьев проглядывала желтая луна, то появляясь, то скрываясь в тучах.

Лошадь, отдохнувшая во время расчистки дороги, бодро бежала сквозь снежный вихрь, оставляя позади темноту леса.

Впереди уже открывался простор заснеженного поля.

– Ты что, Каурка? – обратилась Клавдия к лошади, будто ждала от нее ответа.

– Что случилось? – спросила Агата, чувствуя какую-то опасность, и инстинктивно прижимая к себе дочь.

– Да что-то лошадь беспокоится... – задумчиво проговорила Клавдия, одной рукой держа поводья, а другой, снимая с плеча ружье.

В это время они уже миновали лес, стало светлее, и дорога вела через поле в сторону слабо мерцающих вдали огоньков.

И тут взору открылась такая картина – слева от них, от темно-синей стены леса отделилась серая масса, которая

двигалась в их сторону.

– Волки! – тихо сказала Клавдия.

И тут же четко распределила обязанности, похлопывая одновременно по крупу лошадь, успокаивая ее.

– Агата, перебирайся вперед, держи поводья, а ты, Мария, будешь подавать мне патроны.

Серая масса надвигалась, лошадь фыркала, чувствуя опасность, но бежала быстро.

Вот уже стали видны четкие очертания волков. Они настигали.

– Четыре, нет – пять, – шепотом проговорила Мария.

Клавдия увидела вдалеке еще один угрожающий их жизни ком, но ничего не сказала своим попутчицам. Сколько же их...

Пятерка волков быстро приближалась, уже стал различим устрашающий блеск их глаз. Клавдия все не стреляла – она знала, что патронов только семь, и поэтому она не может промахнуться.

Выстрел, еще один. Два волка, которые уже настигали сани, упали. Трое других продолжали погоню, приближаясь, казалось, каждую секунду.

Клавдия заложила следующие два патрона в свою двустволку и прицелилась. Во время выстрела лошадь дерну-

лась, и Мария чуть не выпала из саней. Клавдия вовремя ухватила ее за ватник, одновременно понимая, что промахнулась.

За санями, уже совсем рядом, по-прежнему, бежали три волка. Один из волков вырвался вперед и уже был готов прыгнуть на седоков, но в этот момент рухнул замертво, сраженный метким выстрелом. Двое других, немного отставших от первого, чуть задержались, но всего на несколько мгновений. Видимо голод пересилил страх смерти, и они ринулись в погоню...

Мария, подавая следующие два патрона, тихо сказала:

– Последние.

– Нет, там еще один, – подбодрила Клавдия.

– Я один выронила, когда падала, – чуть не плача произнесла девушка...

Клавдия замолчала, потом, словно вынырнула – собралась, приняла решение.

Дала указания своим спутницам.

Мария слышала, что бывают охотники, которые попадают в глаз белке, чтобы не портить шкурку. Но, чтобы такой меткой была девушка, почти ее ровесница, она не могла и предположить, если бы сама не была свидетелем не только мет-

кой стрельбы немногословной Клавдии, но и совершенным владением ножом.

То, как она убила двух оставшихся волков, не поддавалось описанию, это был какой-то цирковой номер.

При этом сама исполнительница не усматривала в этом ничего удивительного.

А произошло вот что.

Волки приближались, Клавдия выжидала.

Агата управляла лошадей, не переставая молиться. Мария до боли стиснула зубы, ее бил озноб от страха.

Когда волки приблизились на расстояние вытянутой руки, один из них получил выстрел в голову, а второй заходил справа, уже поравнявшись с санями и приблизившись почти вплотную. И в этот момент, уцепившись одной рукой за сани, и крикнув, чтобы Мария ее держала, Клавдия вонзила нож прямо в глаз волка, и тот рухнул...

– Мамочка, волков нет! Клавдия их всех перебила! – закричала Мария, не подозревавшая, что опасность вовсе не миновала, а лишь отодвинулась...

Пока только Клавдия могла рассмотреть, что в темноте надвигающейся ночи вырисовывались еще четыре волчьих силуэта.

Что произошло потом – не поддается пониманию...

Клавдия поднялась во весь рост и встала лицом к лесу.

Руки с растопыренными пальцами она выставила вперед,

как будто ставя преграду на пути волчьей стаи...

И тут из ее груди вырвался ни с чем несравнимый звук – в нем была устрашающая мощь, смесь звериного рыка и внутриутробного воя...

От этого звука у Марии по всему телу пошел озноб, она была близка к потере сознания.

По щекам Агаты текли слезы, она истово молилась и держала поводья так крепко, что руки ее онемели, и Клавдия потом еле их расцепила.

Волки остановились, и, поджав хвосты, повернули к лесу. Клавдия, обессиленная, повалилась в сани...

Как и говорила Александра Тимофеевна, Клавдия не оставила своих попутчиц без покровительства.

Вместе они разыскали Анну, которая к тому времени оправилась от болезни и уже работала нянечкой в той же больнице, где ее выходили. Анне дали комнату в больничном общежитии, и туда же заселились Агата с Марией.

Анна через два месяца уехала в Челябинск, куда направили ее лечащего врача, ставшего ее любимым мужчиной. А вскоре Агата с Марией переехали туда же.

Агата всегда жила так, как будто знала, что все будет хорошо, может быть от того, что была столь велика ее вера в Бога, и это давало ей спокойствие.

Она была уверена, что все ее дети скоро окажутся в од-

ном месте и будут жить рядом, помогая друг другу. Не знала только, где это будет, так как все были разбросаны на просторах огромной страны, в которую входили пятнадцать республик, а народов, народностей и национальностей – просто не счесть...

Немка по происхождению, выросшая в России и сформировавшаяся, как личность, в Советском Союзе, она с детства впитала дух этой огромной страны, и своей малой родины – Запорожья.

Отсюда, и украинские песни, которые она напевала, орудуя на кухне, и четкие фразы на немецком языке, вылетающие из ее уст при сильном волнении...

Не успела Агата окончить свой рассказ прижавшейся к ней внучке, как звук открывающейся калитки возвестил о приходе Марии.

– Мама пришла! – обрадовалась Сашенька.

Мария

Еще в Омске, живя в общежитии, Мария подружилась с соседкой – молодой женщиной, которая сразу обращала на себя внимание отлично сидящей на ней одеждой. Зоя, как звали соседку, обшивала не только себя, но и массу модниц, с вожделением ожидавших своей очереди, чтобы, наконец, попасть к этой замечательной модистке.

Теперь Мария точно знала, чем она будет заниматься.

Зоя, не имея специального образования, с талантом, кажется, перешедшим к ней по наследству, не затрудняла себя выстраиванием сложных выкроек и не пользовалась никакими лекалами.

Конечно, она снимала мерки, как и полагается, записывая в столбик цифры, как это делали ее бабушка и мать, но потом она просто смотрела на столбик из цифр, брала ножницы, и вырезанные лоскуты, тут же, сшивала.

Все – примерка была готова прямо в присутствии заказчицы.

Мария не отходила от удивительной мастерицы, когда та работала, и постепенно включалась в процесс.

– Самое главное, – учила Зоя Марию, – ты должна представить уже готовое изделие на заказчице, увидеть ее в этом платье, блузке или что там...

У Марии все получалось, но Агата, впитавшая на генном уровне приверженность к порядку во всем, настояла, чтобы дочь стала дипломированным закройщиком.

Поэтому, как только они переехали в Челябинск, Мария поступила в техникум легкой промышленности.

Мать занималась домом, да пекла пирожки на продажу, которые молниеносно раскупались.

Дочь вечерами, а иногда, захватывая ночи, шила, а утром бежала на учебу в техникум.

На жизнь хватало, даже понемногу откладывали.

Из отложенных денег не забывали отослать и деду Трифону с Александрой Тимофеевной. Так и посылала Мария им переводы отовсюду, где жила, сначала двоим, потом оставшейся Александре Тимофеевне, пока однажды перевод не вернулся с короткой записью работницы почты, что Александры Тимофеевны не стало...

Дорога в техникум от дома, где Мария с матерью снимали комнату, проходила мимо общежития политехнического института.

Юноши-студенты не могли, конечно, молча пройти мимо такой красавицы.

Мария в свои двадцать шесть лет выглядела на девятнадцать – худенькая, с прямой спинкой барышни девятнадцатого века (кстати, эта осанка осталась и по сей день, на девяносто первом году жизни), с пышной гривой вьющихся волос, белокожая, с черными искрящимися глазами, глядящими из-под разлетающихся изогнутых бровей, с чуть припухлыми по-детски губами.

Парни наперебой пытались завладеть вниманием девушки – кто комплимент скажет, кто тут же сорвет цветок с клумбы и подарит, кто на руках пройдет...

И все с шутками-прибаутками.

Особенно выделялся веселый брюнет, которому Мария, в конце концов, отдала предпочтение, и они начали встречаться.

Не искушенная, меньше года, как вернувшаяся в обычную жизнь, девушка поддалась первым чувствам, захлестнувшим ее впервые, и строила планы на будущее.

Однажды, договорившись о встрече, она прождала своего поклонника больше часа, а его все не было. Встреча была назначена около общежития, где жили ребята, поэтому из окна ее увидел Анатолий, и тут же спустился.

Мария была взволнована, беспокоилась, не случилось ли что, но оказалось, что ее молодой человек был в это время на дне рождения у своей сокурсницы.

Анатолий, успокаивая Марию, хотел проводить ее до дома, но девушка захотела выяснить все наверняка, и Анатолию пришлось дать ей номер телефона их однокурсницы. Мария, тут же, из автомата, позвонила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.